

Правильное прочтение текста, т. е. правильное его понимание, требует не только правильного «узнавания» лексики, морфологии, синтаксиса текста, отдельных сокращений, происхождения отдельных механических ошибок, но и правильного восприятия его содержания в связи с эпохой, географическими обозначениями своего времени, историческими именами лиц и пр. и пр. Очень многие ошибки прочтения текста получаются из-за того, что текстологи плохо знакомы с явлениями эпохи, историческими именами, старыми географическими названиями, технической и всякой иной специальной терминологией, теологическими понятиями, библейской историей и т. д.

К древнерусским текстам в известной мере применимо то правило, которое хорошо сформулировано С. М. Бонди в отношении рукописей писателей нового времени. С. М. Бонди пишет: «Может быть, раньше уже следовало упомянуть об одном правиле, являющемся основным в работе чтения черновика, которое действительно всегда, но особенно необходимо в случаях особой трудности, когда невозможно добраться до начала работы писателя, или когда теряется нить ее последовательности, или когда особенно запутанные и разбросанные обрывки текста не поддаются прочтению. Это правило: идти в работе не от частей к целому, а от целого к частям (и потом опять к целому); не из прочтения отдельных слов составлять целое стихотворение, отрывок; а наоборот, пользоваться пониманием целого для прочтения отдельных слов. Здесь также нет внутреннего противоречия, так как и здесь в этой работе целое и части взаимно обусловливают друг друга. Сначала, путем первого несовершенного ознакомления, читающий должен составить себе представление об общем содержании отрывка: что это такое? о чем там идет речь? каков общий замысел? Затем, имея уже это представление, читать отдельные слова, догадываясь об их значении не изолированно; а в свете составленного общего представления о целом, о замысле вещи. И, наконец, из этих расшифрованных деталей, отдельных слов и фраз составляется новое, полное, уже не общее, а вполне конкретное знание о читаемом отрывке в целом. Такова в общем схема работы при чтении трудных текстов»¹.

Конъектуры

В тех случаях, когда единственный список испорчен в каком-либо месте или когда все списки изучаемого произведения в том или ином конкретном месте текста дают явно испорченный текст или текст, который, хотя и ясен,

¹ С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР, ООН, 1937, № 2-3. С. 592.

однако по тем или иным соображениям не мог быть в первоначальном тексте (авторском, редакторском и пр.), исследователь вправе прибегать к конъектурам. Конъектуры — это исправления (точнее — частичные восстановления первоначального текста), предлагаемые исследователем на основании различных соображений, но которые не могут быть подтверждены чтениями других списков.

В. Н. Перетц пишет по поводу конъектур: «Случается, однако, и так, что ни одна из имеющихся рукописей не дает ясного, вполне удовлетворительного чтения, или так, что имеется всего лишь одна рукопись какого-нибудь памятника с испорченными, неясными местами. Тут уж критику приходится как бы становиться на место автора и вытаскивать восстановить испорченное чтение от его лица с помощью конъектур, т. е. различного рода соображений и догадок. Для конъектур, опять-таки, нет общих, определенных законов и правил: кто более других может уподобиться автору данного произведения, проникнуться его духом и манерой, кто лучше других понимает его, тот и может наиболее удачно его исправить. Конечно, необходимо, чтобы предлагаемая конъектура давала месту, по возможности, наилучший смысл и не противоречила ни другим местам сочинений, ни обыкновениям его автора»¹.

Очень важно все то, что В. Н. Перетц пишет о необходимости «уподобиться автору», вообразить себе его «дух», манеру и пр. Увидеть за текстом автора с его мировоззрением, психологией, даже привычками — первая обязанность текстолога. К этому следует добавить только, что нельзя ограничиваться автором, — необходимо представить себе не только того, кто создал первоначальный текст, но и того, кто изменил его: переписчика, передельвателя. Необходимо не только восстановить измененный текст в его первоначальном виде, но и объяснить — как, когда и почему произошло изменение текста. Восстановление интересующего нас места и объяснение произошедшего изменения должны идти вместе, сопровождать друг друга: только тогда конъектура может считаться убедительной. Если изменение текста произошло сознательно, — надо объяснить цели изменения, причины, всю ситуацию, вызвавшую это изменение. Если изменение произошло бессознательно, т. е. если перед нами ошибка, — надо показать, как появилась ошибка, какой тип ошибки имел место в данном случае, объяснить ее палеографически.

С. М. Бонди совершенно правильно пишет: «Достоверность конъектуры (или, во всяком случае, максимальная вероятность ее) доказывается, во-первых, качеством полученного текста (правдоподобием его) и, во-вторых, правдоподобием, убедительностью объяснения о причи-

¹ В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. (Корректурное издание на правах рукописи). Киев, 1914. С. 276.

нах порчи текста в подлиннике. О последнем требовании нередко забывают, между тем оно крайне важно¹.

Конъектуры важны в двух отношениях: для издания текста (вопрос этот мы рассмотрим в дальнейшем) и для восстановления истории текста. Степень достоверности конъектур очень различна. Тем не менее для истории текста могут иметь значение и те конъектуры, степень доказанности которых весьма невелика. Автор известной работы по текстологии П. Маас считает необходимым оставлять в разнотениях к тексту все возможные конъектуры, считая, что в результате открытия новых списков они могут когда-либо подтвердиться². Такие возможные конъектуры, оставляемые в разнотениях на всякий случай, П. Маас называет «диагностическими конъектурами» (*«Diagnostische Konjekturen»*)³.

Вообще следует сказать, что общее предубеждение против конъектур у некоторых исследователей не имеет почвы, так как текст подавляющего большинства рукописей полон этими же самыми конъектурами, но конъектурами, сделанными не учеными, а самими древними переписчиками, часть из которых была несомненно невежественна. В самом деле, все ошибки и «осмысления», о которых мы говорили выше, — это и есть по существу конъектуры. Очень часто поэтому конъектуры исследователей — это только раскрытие конъектур переписчиков. Оставлять конъектуры переписчиков, не допуская конъектур исследователей, — нелепо. Все дело только в том, что, предлагая ту или иную конъектуру, исследователь обязан объективно оценить степень ее достоверности и не выдавать в издании конъектуру за текст подлинного списка или списков, а строго ее оговаривать (например, в тексте конъектура печатается курсивом, а в сноске отмечается чтение списка).

В качестве примеров различного рода удачных конъектур можно предложить конъектуры к первому изданию Екатерининской копии «Слова о полку Игореве». Как известно, «Слово» дошло до нас в единственном списке, погибшем в московском пожаре 1812 г. Ошибки были уже в этом погибшем списке, и они особенно возросли в числе вследствие неумелого чтения этой погибшей рукописи ее первыми исследователями и издателями. Единственный способ исправить эти ошибочные чтения, поскольку второго списка «Слова» нет, — конъектуры.

¹ С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. С. 592.

² Такие подтверждения конъектур списками могут быть и в новой, и в древней литературе. Ф. Е. Корш в статье «Разбор вопроса о подлинности окончания "Русалки"» (Изв. Второго отделения АН, 1898, т. III. С. 656—657) пришел к выводу, что в «Домике в Коломне» стих «У нас его недавно стали знать» (речь идет о ямбе) печатался неправильно: надо «гнать» вм. «знать». Это утверждение Ф. Е. Корша подтвердилось изучением рукописи через 25 лет (Б. В. Томашевский. Новое о Пушкине. — Альманах «Литературная мысль», 1. Пг., 1922).

³ Paul Maas. Textkritik. Leipzig, 1957. S. 33.

В первом издании «Слова» читается текст: «...а мои ти Куряни свъдоми къ мети»; сходный текст в Екатерининской копии, причем выражение «свъдоми къ мети» переведено: «в цель стрелять довольно сведомы» (в Екатерининской копии) и «в цель стрелять знающи» (в первом издании). Ясно, что текст этот очень мало вразумителен. Конъектура к этому месту следующая: слова «къ мети» следует читать вместе — «къмети» и все место следует перевести так: «известные», «знаменитые воины». Оправдывается эта конъектируя тем, что текст «Слова» в рукописи XVI в. был написан без разделения на слова. Первые его исследователи правильно его прочли по буквам, но неправильно разделили на слова, так как не знали слова «къмети». То, что первые исследователи (и в частности, А. И. Мусин-Пушкин) не знали слова «къмети», подтверждается тем обстоятельством, что то же слово «къмети» было не понято и неправильно разделено на слова не только в «Слове о полку Игореве», но и в «Поучении Владимира Мономаха»¹. Итак, конъектируя «къмети» вместо «къ мети» может считаться несомненной.

Аналогичная конъектируя была предложена к тексту первого издания: «Нъ рекосте м у жа имъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подълимъ». В Екатерининском списке вместо «му жа имъся» читается «мужа имъся». В обоих случаях дан ни с чем не сообразный перевод. Впервые абсолютно убедительное исправление этого места предложил В. Г. Анастасевич²: «мужаимъся». Эта конъектируя оправдана палеографически — здесь тоже неправильное разделение на слова первоначально слитного текста и смешение сходных по написанию букв: «ъ» вм. «ъ». Характерно, что и в издании «Поучения» Владимира Мономаха А. И. Мусин-Пушкин не понял слово «мужество». Вместо слов «Поучения» «мужество и грамоту» А. И. Мусин-Пушкин напечатал «муж твой грамоту»³.

Приведенные выше конъектируя могут считаться бесспорными. Основания к этому следующие. Текст без этих конъектируя непонятен, с конъектируями он вполне ясен. Конъектируя не потребовали больших изменений в тексте. Палеографически они совершенно обоснованы, при этом может быть объяснено, почему именно произошли искажения текста, и приведены аналогичные ошибки тех же издателей при подготовке другого текста, известного нам по рукописи. Следовательно, в этих двух конъектируях предусмотрены все основные доводы достоверности.

Примеры вполне убедительных конъектируя, предложенных исследователями в тексте «Слова о полку Игореве», могут быть легко умножены. Конъ-

¹ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слово о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.; Л., 1957. С. 78 (см. перепечатку в кн.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 245).

² См. об этом: Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 298.

³ Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слово о полку Игореве...». С. 78.

ектуры эти настолько прочно вошли в традицию изданий «Слова», что они уже перестали замечаться как исправления и воспринимаются исследователями как несомненный текст «Слова».

Приведем теперь примеры конъектур остроумных и в целом удачных, но которые не могут считаться доказанными.

В первом издании «Слова о полку Игореве» читается следующий текст: «...свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа». Текст этот настолько непонятен, что составитель Екатерининской копии вовсе пропустил слова «свистъ звѣринъ въ стазби». К этому месту «Слова» была предложена следующая довольно удачная конъектируя: вместо «въ стазби» было предложено читать «въста зри». Слово «зри» — это обычная для древних рукописей отметка на полях, которая переписчиком легко могла быть внесена в текст (примеры таких внесений известны — они многочисленны). Значит, эта отметка «зри» нечто вроде: «обратить внимание!». Ею кто-то из читателей мог отметить непонятное соседнее слово «дивъ». Перемена «р» на «б» легко оправдывается палеографически — особенно для скорописи, которой отметка могла быть сделана на полях. Следовательно, это слово «зри» или в нашем случае сочетание «зби» может быть опущено и весь текст прочтен следующим образом: «свистъ звѣринъ въста; дивъ кличет връху древа». Получающийся текст совершенно ясен, но может ли он считаться единственным правильным? Можем ли мы считать данную конъектирую доказанной? Нет, она только одна из лучших в ряду предложенных¹.

Приведем еще один пример удачной конъектирую.

В первом издании «Слова о полку Игореве» мы читаем о князе Всеславе Полоцком: «...утръ же возни стрикусы отвори врата Нову-граду разшибе славу Ярославу». В Екатерининской копии это место читается так: «...утръ же вазнистри кусы отвори врата Нову-граду. Разшибъ славу Ярославу». И в том, и в другом случае текст совершенно неясен. Конъектирующих исправлений этого места было предложено много. Наиболее удачная, по-моему мнению, принадлежит Р. О. Якобсону: «Утърже вазни съ три кусы, — отъвори врата Нову-граду, разшибъ славу Ярославу». Предлагаемый перевод этого места такой: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи, — отворил было врата Новгорода, перешли славу Ярославу»². С защитой этой конъектирую выступил Н. М. Дылевский³.

¹ Данная конъектирую отстаивалась в работах Н. С. Тихонравова, В. Н. Щепкина, А. С. Орлова (см.: А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1946. С. 96). Обзор других конъектирую см. в статье В. Ф. Ржиги «Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве». Что такое «въ стазби»?» (в кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. С. 188–191).

² H. Grégoire, R. Jakobson, M. Szeftel. La Geste du Prince Igor. — Annales de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, New York, 1948, t. VIII (1945–1947). P. 68.

³ Н. М. Дылевский. «Утър же возни стрикусы отвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. — ТОДРЛ, т. XVI. М.; Л., 1960. С. 60–69.

Соглашаясь со всей аргументацией Н. М. Дылевского, я никак не могу согласиться только с одним — с самим образом «трижды урвать по куску удачи». «Кусок удачи» — это находка явно неудачная.

Поэтому я предлагаю, оставив предложенную Р. О. Якобсоном разбивку на слова, изменить знаки препинания и читать это место так: «Утьрже вазни, съ три кусы отъвori врата Нову-граду». Перевод этого места следующий: «Урвал счастье, в три попытки (или «с трех попыток») отворил врата Новгороду»¹.

Предложенная выше конъектура (или, вернее, ряд взаимосвязанных конъектур) довольно удовлетворительно объясняет одно из самых загадочных и темных мест «Слова», однако удовлетворительно объяснения еще не есть его доказанность. Бывают случаи, что исследователи предлагают несколько конъектур для одного и того же искаженного места и все они в той или иной степени удовлетворительны. Чтобы конъектура была убедительной, надо либо доказать, что она единственно возможная, либо отчетливо показать, каким путем первоначальный текст оказался искаженным.

Примером конъектуры может служить прочтение «Болгары Черные» вместо «Болгары и с черными людьми» в следующем месте Плигинского жития Владимира I Святославича: «Князь же Владимир вборзе собра воеводы своя Варяги и Словени и Кривичи и Болгары и с черными людьми, поиде на Корсунь». Конъектура эта предложена А. А. Шахматовым² и имеет за собой следующие основания. Среди участников похода указаны народности. Социальная категория «черные люди» непоследовательно врывается в перечисление. Болгары были известны и на Волге, и на Балканском полуострове, поэтому в ранних памятниках их различают. В последующее же время термин «черные болгары» был непонятен и, очевидно, требовал осмыслиения.

Впрочем, исследователь должен постоянно считаться с тем, что даже самые убедительные конъектурные поправки казалось бы «явных» ошибок могут оказаться иногда ложными. Так, например, издатели третьего тома «Полного собрания русских летописей» (СПб., 1841) исправили в Новгородской первой летописи под 1194 г. слово «тировати» на «жировати». Слово «тировати» (обитать, проживать) до самого последнего времени было неизвестно исследователям, и тем не менее осторожный П. Савваитов и в последующем издании Новгородской первой летописи (СПб., 1888) оставил это слово «тировати» без изменений, тогда как такие знатоки древнерусской речи, как А. И. Соболевский³ и И. И. Срезневский⁴, сомневались в существовании этого слова и считали конъектуру «жировати» несомненной. Но время

¹ См. подробней: Д. С. Лихачев. «Возни стрикусы» в «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 587.

² А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. — В кн.: Сборник статей в честь В. И. Ламанского, ч. II. СПб., 1906, отд. оттиск. С. 58.

³ А. И. Соболевский. Рецензия на издание Новгородской первой летописи. СПб., 1888. — Рус. филолог. вестн., 1889, № 1. С. 121.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стб. 960.

оправдало простое уважение к источнику и предпочло простое следование чтению списка эрудиции и остроумию знатоков.

В отношении древних произведений в еще большей мере, чем в отношении произведений писателей нового времени, применимо сказанное В. В. Виноградовым: «Самый текст сочинений писателя может быть точно установлен и правильно прочитан только тем, кто хорошо знает или глубоко изучил язык этого писателя»¹.

Историков или литературоведов, которые пытаются заниматься текстологией памятников древнерусской письменности, — а тем более такой сложной областью, как конъектуральным исправлением текста, — без основательного знания древнерусского языка, только по чутью, ждет горькое разочарование. Ученых, знающих древнерусский язык только в результате практических навыков чтения старых текстов, всегда можно узнать по грубым ошибкам в чтении и толковании трудных мест и по «приблизительности» перевода легких. Не менее важно и знание реалий эпохи.

Однако, помимо знаний и в первую очередь знаний языка, конъектуральные исправления требуют остроумия и находчивости. Вполне прав Т. Бирт, когда пишет: «Конъектура — это искусство и, как всякое искусство, она зависит от таланта»².

Наблюдения над рукописью

Пытаясь восстановить историю текста, надо обращать внимание не только на текст рукописи, но и на самую рукопись, на ее состояние, на утраты, дополнения, загрязненность отдельных листов, на сделанные на ней позднейшие записи и т. п. Все это может дать весьма важный материал для суждения об истории рукописи, обстоятельствах ее написания и последующей судьбе, а также об истории ее текста.

Так, например, если в рукописи имеются поправки, то весьма важно бывает узнать: делались ли поправки самим переписчиком или кем-то другим. Если поправки делал сам переписчик, то они могли явиться результатом проверки текста по тому же оригиналу, с которого он списывал, или проверкой по другой рукописи (то и другое можно с известной долей вероятности установить по самому характеру поправок). Но и та и другая правка будет, во-первых, почти одновременна с перепиской, а во-вторых, она будет сделана переписчиком, очевидно, с пониманием предшествующего своего же собственного текста, который он правит. Если же поправки внесены кем-то другим или тем же переписчиком, но спустя много времени, то эти поправки могут не только улучшать текст, но и искажать его. Правка может быть про-

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 6.

² Th. Birt. Kritik und Hermeneutik. Handbuch der Altertumswissenschaft, hrsg. von Ivan Müller. S. I., 1913. S. 124.